

ОППОЗИЦИЯ СВОЙ-ЧУЖОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© 2008 Е.В. Меркина

Благовещенский государственный педагогический университет

Для лингвистики конца XX века характерен повышенный интерес к исследованию взаимосвязи языка и духовной культуры нации, что послужило основанием к становлению лингвокультурологии — «... научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой речи национальный язык, материальную культуру и менталитет» [13, 216]. Лексика выступает в роли пласта, насыщенного культурной информацией о жизни народа, способного отражать различного рода отношения с представителями другого этноса, тем самым фиксировать свое и чужое.

В процессе межкультурного диалога происходят коллизии двух национальных сознаний: в конфликт вступают *свои* и *чужие* когнитивные, эмотивные и аксиологические установки [10]. Оппозиция *свой-чужой* как постоянный принцип культуры существует в основе этнического самосознания, формирует коллективное, массовое, народное мироощущение [11, 84; 11, 126-143].

Иными словами, культурная константа *Свой-Чужой* является дифференцирующим и интегрирующим признаком этноса.

В системе бинарных оппозиций, лежащих в основе модели мира, культурная константа *Свой-Чужой* занимает особое место: она «является исторически более новой, не получившей однозначного решения. Это связано с тем, что рассмотрение данного противопоставления требует обращения к особенностям мировоззрения этноса»; «эта сфера такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением сознания» [11, 127].

Окружающая действительность воспринимается человеком, прежде всего, как пространство и классифицируется на основе архетипических представлений о его структуре с помощью оппозиций *верх-низ*, *правый-левый*, *близкий-далекий* и т. п. Модель мира развивается и усложняется в результате категоризации природного и социального пространства на основе еще одного ряда бинарных оппозиций: *жизнь-смерть*, *природа-*

культура, *мужской-женский*, *старший-младший* и т. п. [14].

«Осознание *особости*, *отдельности* актуализирует универсальную семантическую оппозицию *свой-чужой*, которая может интерпретироваться в социальном, конфессиональном, территориальном планах. При этом представитель этнического самосознания осознает свою принадлежность к определенной группе (семье, деревне, нации), к определенной территории (пространство дома, деревни, края) и т. д. Являясь носителем коллективного сознания, хранителем родовой памяти, человек осваивает мир, отделяя *свое* - обжитое, понятное, от *чужого* - далекого, неизвестного, осознавая при этом личную причастность к миру, в котором он живет» [9, 149].

Попытка определить универсальную модель этих отношений сводится к общности в социальном отношении, в принадлежности к вероисповеданию, в среде обитания и находит отражение в лексической системе эвенкийского языка.

Нами было предпринято экспериментальное исследование лингвокультурологической оппозиции *свой-чужой* в эвенкийском сознании.

Эксперимент по определению национальной специфики в структуре константы *Свой-Чужой* проводился в два этапа среди 30 представителей эвенкийского этноса без учета возрастных, социальных и гендерных особенностей в местах их компактного проживания на территории Амурской области (с. Первомайское и с. Усть-Нюкжа Тындинского района).

Первый этап был направлен на выявление реального содержания константы в сознании эвенков и осуществлялся посредством метода субъективных дефиниций. Носителям языка предлагалось продолжить фразы: *свой* — это...; *чужой* — это...

На втором этапе определялись условия перехода одной из единиц в другую. Реципиенты должны были назвать ситуации, когда *свой* становится *чужим*.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, наиболее важные для сознания испытуемых.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В результате анализа субъективных дефиниций выявлены компоненты значения культурной константы.

Чужой для представителей эвенкийской народности – это, в первую очередь, *дальний (далекий) (5), который сделает тебе плохо (4), человек, которого не знаешь (3), который все время ходит злой и раздражительный (3), который не понимает (3)*, т. е. человек, который не отвечает национально-психологическим и коммуникативным особенностям. К уже перечисленным можно добавить еще ряд значений: *соседи (2), с которым не общаешься (2), которого не понимаешь (2), плохой (2), которого не знаешь, а если знаешь, то плохо (1), не близкий по общению (1), которому не можешь поверить (1), другого рода (1)*, позволяющий репрезентировать несоответствие по кровной принадлежности, эмоциональным свойствам.

В противоположность чужому **своими** являются *родной (родители) (6), родственники (4), близкие по душе (4), друг (друзья) (4), хорошо знакомые (3), человек, который тебя понимает (3), если ему можно верить (3), тот, который все время со мной (3)*.

В лексической системе эвенкийского языка зафиксированы следующие наименования для обозначения людей подобного рода: мутни, мэнни ‘свой’, акаде ‘сородич’, ‘дядя’; албату ‘родня’, ‘сородичи’, дя, хā – 1) кровный родственник, сородич; 2) друг, товарищ; андагū ‘спутник’, ‘друг’, ‘товарищ’; андакчāн ‘другок’; гē II ‘друг’, ‘товарищ’; хэнгэ II ‘товарищ’; дерки ‘друг’, ‘товарищ’ и т. д.

Определенная степень родства, соответствие по родовому признаку, наличие дружественных отношений не являются константными в принадлежности к *своему*, поскольку различные ситуации, а к таковым относятся *предательство; обида; когда пожадничает; когда поругаешь, что сделал неправильно; обман; ссора и непонимание; когда не помогает* и т. д., способны изменить данную позицию на полярную.

Ситуация межэтнического общения также позволяет выявить своеобразие самосознания представителя той или иной нации, где происходит деление на *наших* и *не наших* путем противопоставления *своего* и *чужого*. Замечания В.Н. Топорова сводятся к тому, что «каждый народ – осознанно, полусознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач

жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры, ссоры» [14, 5].

Представители психологической антропологии выделяют ряд национально-психологических особенностей: «мотивационно-фоновые особенности, интеллектуальные особенности, познавательные особенности, эмоциональные особенности, волевые особенности, коммуникативные особенности» [12, 212-213].

Неисчерпаемым источником изучения мировосприятия является анализ фольклорных источников и запись речи людей, находящихся в относительной замкнутости и сохранивших свои представления о мире и отношении к нему посредством неписаных правил и запретов. Компактность проживания, относительная удаленность от крупных населенных пунктов, сохранение традиционного уклада жизни, опирающегося на взаимодействие человека и природы и настроенное отношение к человеку, чем-либо отличающемуся – основные черты, характеризующие эвенков как этнос. Территориальная и мировоззренческая “отстраненность” позволяет говорить о наличии когнитивной оппозиции *свой-чужой* в этническом сознании.

Лексическая система эвенкийского языка отражает явление данного порядка через лексемы, определяющие чужого человека по этнической принадлежности: луча, лбча, русской, люча (‘русский’), коряк (‘коряк’), чукча (‘чукча’), грек (‘грек’), грузин (‘грузин’), ненец (‘ненец’), американец (‘американец’), нанай (‘нанаец’, ‘гольд’), юраки (‘название енисейских эвенков’), япэн (‘японец’), яко (‘якут’), эвэмцу (‘эвенкийка’) и т. д. Стоит отметить, что существование дуплетных форм (эвенкийской лексемы и русской, заимствованной в состав лексической системы эвенкийского языка) при обозначении представителя другой национальности – это свидетельство более тесного взаимодействия эвенков с данными этносами. К таковым можно отнести: гилэкэ (‘гиляк’); бореимнū (‘бурятка’); бореингкун (‘бурят’); луча, лбча, русской, люча (‘русский’); эвэн (‘эвен’) и т. д.

Территориальная и социальная отчужденность передаются через имянаречение и репрезентируются именами-этнотонами: Чукчэкэн (от чукча ‘чукча’), Баргūдак (от барги ‘с того берега’), Маталак (от мата ‘чужеродец’); Маманак (от манми ‘с собой’, ‘свой’), Дюдүвул (от дюдүви ‘у себя, дома’) и др.; именами социальными характеристиками: Бэлэден, Болодён (от бэлэ ‘помощник’), Абулāk (от абудяран ‘бедная’), Догордус Ие (‘друг’, ‘товарищ’) и др.

Язык выполняет *социоидентифицирующую, социопознавательную, социоразличительную* фун-

кции. Согласно В. фон Гумбольдту, человек «... очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Эта черта, разделяющая все человечество на два класса – свой и чужой, – есть основа всякой первоначальной общественной связи» [5, 399]. Отсутствие духовного родства становится причиной неприятия человека с позиции несоответствия устоявшемуся стандарту – стереотипу.

В отечественном языкознании в качестве основной оценки сложившейся оппозиции принята точка зрения Л. Н. Гумилева, которая на первый план выдвигает стереотип поведения этноса, а не язык и происхождение как основу противопоставления и определения этноса для него самого и отделения *чужого*: «феномен этноса это и есть поведение особей, его составляющих» [6, 142]. Г. В. Старовойтова отмечает: «Эти данные заставляют нас прийти к выводу, что обыденное этническое сознание довольно отчетливо разделяет этноспецифические модели поведения и “глубинные” этнопсихолингвистические особенности (черты характера и т. п.). При этом поведение (наряду с языком общения), здравый смысл относятся к внешним этническим свойствам, утрата которых еще не ведет к окончательной потере этнической идентичности; ее основы коренятся глубже» [цит. по: 11, 128].

Постоянная попытка найти отличительные черты не только в поведении, но и в поступках хунтэкэ ('чужого человека'), хунту Дж, Слмд, З (Ам) 1) 'другой', 'иной'; 2) 'чужой' находит отражение в словарных статьях: Эр экума-вал хунту бэе бичэн 'это был какой-то чужой мужчина'; Би-кэ хунту бисим 'ведь я посторонний', хунтулду эвкэ ивуврэ 'посторонним вход воспрещен'; Эду хактырама, тарит хунтул буручивкил 'здесь очень темно, поэтому чужие падают', а также во фразеологизмах: «Эвэнкү – кэт чикэнин кэтэ, луча-кэт чикэнин кэтэ 'на свете много разных людей' (по национальности); Сү д'улэхун – суннү, бу д'улэвун – мундү бигин ('Вы делайте по-своему, мы – по-своему', досл.: 'Вам перед – ваш, наш перед пусть у нас будет'); Д'үр халгалкән, д'улакин дэрэлкэн урәнкай эвэнкү бивкү-вёт ('Бывает настоящий (истинный) эвенк', досл.: 'Двуногий, с голым лицом уранкай-эвенк бывает')» и т. д. [3].

Чужой (буварванкур С-Б 'чужестранец' (букв. 'заморский'; поуту Мнгр 'инородец'; москвиган 'житель Москвы') может отличаться и по внешним признакам: каптама 'плоский'; каптама онгокточү разг. 'плосконосый' (так называют себя эвенки в противоположность игоним онгокточү 'длинноносый' - о русских); Ичэнэв – бэйдук хунту: умун ёначү, умун халгачү 'посмотрел (я) – (он) по сравнению с человеком иной: с одним глазом, с одной ногой'.

Родовая принадлежность эвенков, несмотря на соответствие по этническому принципу, может быть положена в основу разделения на *наших-не наших* и появления следующих элементов характерологической лексики: нимак 'человек из другого рода', 'чужеродец'; мата – 1) 'чужеродец'; 2) 'сосед', 'гость'; 3) 'незнакомец'; кари I Нрч 'чужой', 'неизвестный'; баргиған Дж, З (Ам), Слмд – 'жители на противоположной стороне реки'; гулгак Дж, З (Ам), Слмд 'сосед по дому' и т. д. И, как следствие, появление фразеологических единиц: Таварвахин куртак чэчэтин! ('Да это же человек из рода Куртак'); Ёма бугалдук иснәрэн? ('Откуда родом? Откуда взялся?' Досл.: 'Из какой земли пришел').

Таким образом, оппозиция *свойственност-чуждости* как составляющая картины мира эвенков, наряду с дихотомиями *человек-природа*, *человек-соплеменники*, складывается из следующих отношений: соответствие-несоответствие по территориальному, социальному признакам; соответствие-несоответствие этнического самосознания и поведения; наличие степени родства и дружественных отношений; духовной близости или ее отсутствия при сохранении аксиологической направленности.

«Выраженный аксиологический характер константы *Свой-Чужой*, по-видимому, обусловил ее особое место в модели мира на аксиологической оси. Социальный и природный миры, прежде всего, категоризируются на *свой* и *чужой*, причем содержание образа *свой* может варьироваться в зависимости от того, что включено в образ *чужой*. Иными словами, можно полагать, что первичным (исходным), детерминирующим содержание образа *свой* является содержание образа *чужой*. В этом смысле образ *свой* является вторичным, подчиненным образу *чужой*, одни и те же составляющие могут разномерно входить и в тот, и в другой образ» [7, 217].

Оппозиция *свой-чужой* несет выраженную аксиологическую направленность: *свое* - значит хорошее, правильное, естественное, необходимое, *чужое* - наоборот. Таким образом, оппозиционность межкультурного диалога проявляется в эксплицитном или имплицитном стремлении участников коммуникации защитить свои «точки зрения», совместить и согласовать *свое* и *чужое*, зачастую исходя из недооценки *чужого* и переоценки *своего* [10, 3-9]. Тем самым, «то, что не совпадает, различается в двух национальных сознаниях и культурах – воспринимается как странное, чуждое/чужое, неестественное, неправильное и, как следствие, является причиной непонимания, т. е. делает межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным» [7, 217].

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь / Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.2: Р-Я. – 484 с.
2. Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь / Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.1: А-П. – 503 с.
3. Варламова Г. И. Фразеологизмы в эвенкийском языке / Г. И. Варламова. - Новосибирск, 1986. – 80 с.
4. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка / Г. М. Василевич. - М., 1958. – 898 с.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. - М., 1985.
6. Гумилев Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. - СПб., 1992. – С. 142.
7. Марковина И. Ю. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты / И. Ю. Марковина, Т. А. Васильченко // Язык. Сознание. Культура: сб. статей / Под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2005. – С. 217-230.
8. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь / А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
9. Серебренникова А. Н. Деление на «своих» и «чужих» по этнической принадлежности (лингвокультурологический аспект) / А. Н. Серебренникова // Филологические исследования: сб. статей молодых ученых / Ред. О. И. Блинова и др.; отв. исполнитель Д. А. Катунин. - Томск: ТГУ, 2000. – С. 149-151.
10. Сорокин Ю. Е. Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты / Ю. Е. Сорокин // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994. – С. 27-29.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. - М., 2001.
12. Столяренко В. Е. Антропология – системная наука о человеке: Учеб. пособие для студ. вузов / В. Е. Столяренко, Л. Д. Столяренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Р.-н/Д.: Феникс, 2004. – 384 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. - М., 1996. – 288 с.
14. Топоров В. Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов / В. Н. Топоров // Славяноведение. – 1997. - №1. - С. 5.